

Вечная молодость

1. Алекс

Алекс прислонился лбом к пробуждающему стеклу автобуса. Снаружи накрапывал февральский израильский дождь, блудный правнук тропического ливня, и участники конференции поспешно семенили, тщетно стараясь одновременно не намочить пиджаки и не потерять чувство собственного достоинства. На ветру бело-синими флажками развевались бейджики. Студенты держали в руках нелепые тубусы с постерами на конкурс и несли на спинах вздутые рюкзаки. Профессора катили за собой чемоданы. Некоторых Алекс узнал по фотографиям на книжных форзацах и в очередной раз удивился, какие важные люди приехали из Америки и Европы, чтобы поздравить с юбилеем израильского ученого. В этот хмурый февральский день под надоедливым дождем к двум автобусам сбегался цвет даже не одной, а двух или трех научных областей. Видимо, кристаллография объединяет.

Алекс на секунду зажмурился. Он специально сел в автобус одним из первых, чтобы занять лучшее место — не в самом начале, не в самом конце и подальше от двери, — чтобы уменьшить шансы на соседа по сиденью. Первичный подсчет, однако, давал понять, что надежды эти беспочвенны — собравшиеся люди должны были забить оба автобуса битком. Алекс открыл глаза и стал разглядывать заходящих во второй автобус. Профессора и студенты поднимались по лестнице вразнобой, но единым потоком, весело обсуждая прошедшую лекцию или предстоящую поездку. Классовых барьеров в этот момент не существовало — находились старые знакомые, обсуждались возможные совместные проекты и просто последние израильские новости, велись ненавязчивые беседы о погоде в пустыне и подводном плавании в Эйлате.

— Do you mind? — раздался вежливый женский голос.

Алекс не глядя убрал рюкзак с сиденья рядом и заерзал в сторону окна. В худшем случае всегда можно предупредить назревающую беседу при помощи гигантских наушников, оранжевый провод которых вился от алексовой шеи к алексовому рюкзаку. Соседка, впрочем, явно не горела желанием болтать.

Салон набился людьми под завязку, и в воздухе сразу повис гул полной энтузиазма толпы. Последними в автобус вскочили организующая весь симпозиум девочка из администрации факультета и виновник торжества, шестидесятипятилетний лысеющий профессор Леон Штейнер, ведущий специалист по биоминерализации и любитель неолитической археологии, другими словами, интересующийся всем, что когда-то умерло, и теперь под многовековым гнетом времени превращается в камень. Леон торжествующий взглядом обвел притихший салон с высоты своего двухметрового роста. Сейчас толкнет речь, подумал Алекс и не ошибся.

Штейнер толкал речь с энергией мальчишки, катящего колесо. Назвав всех собравшихся "Dear Friends", он красочно и многословно описал план поездки — после открывающих

симпозиум лекций в Вайцмановском институте, диар фрэндс ждала трехчасовая поездка в пустыню Негев, где в каком-то небольшом киббуце пройдет первая половина шестидневного мероприятия. После двух дней, полных лекций, презентаций студенческих постеров и экскурсий в пустыне, их ожидает еще одна, на этот раз пятичасовая поездка в Эйлат, где большинство заселится в отеле, а желающие диар фрэндс смогут жить прямо в Центре Океанологических Исследований на самом берегу Красного моря.

Алекс слушал словесную эквилибристику Леона вполуха. Он любил и уважал Штейнера, но практически ничего не понимал в его науке, и оказался записан на симпозиум случайно, в комплекте с шефом, который в последний момент ехать не смог. Идея трех дней в пустыне и двух на пляже была привлекательной даже в феврале, но дома болел ребенок, рецензенты жестоко обошлись со статьей, запланированная серия экспериментов дала незапланированные и непонятные результаты, и разделять чужой энтузиазм по поводу недельного отсутствия не получалось.

Леон закончил говорить и гордо уселся в первом ряду. Автобус задрожал и тронулся, и Алекс повернул голову, чтобы наконец-то рассмотреть, кого автобусное правило Хунда подсунуло ему в соседки.

Когда-то давным-давно, когда у Алекса еще не было жены, ребенка, бороды, лишних тридцати килограммов, самой красивой женщиной в мире была Тори Эймс. Пятнадцатилетний Алекс, наверное, сотни раз пересматривал запись ее концерта в Монре. Сидевшая рядом девушка была темнее, глаза ее были карими, но общая юность и воздушность ее вида вызвали у Алекса неприятный — или приятный — укол под сердцем. Алекс улыбнулся, получил вежливую улыбку в ответ, натянул наушники и отвернулся, уйдя в дождь и аудиокнигу Даниэля Канемана.

Влюбляться не хотелось.

Насколько ему было известно, никаких негласных правил насчет подобных конференций не существовало. Никаких *What happens in Vegas stays in Vegas*, никаких индульгенций за курортные романы. Научное комьюнити, особенно ограниченное определенной областью — штука маленькая и болтливая; сплетни передаются с одного конца земного шара на другой почище иного вируса. Кроме того — и Алекс искренне в это верил — профессия ученого накладывала определенные моральные обязательства. Как можно верить в добросовестность твоих данных, если ты не способен удержать член в штанах? Алекс знал, что позиция эта наивна и обрекает его на разочарования, но был к ним внутренне готов. К влюбленности — огромной, ненужной медузе, баламутящей мысли и разрушающей жизненный ритм — нет.

— Do you have the time? — спросила соседка с легким итальянским акцентом. Алекс сдался и снял наушники.

2. Слава

Слава увидел красавицу прямо с утра. Она сидела спереди, через два ряда, и копна темных волос мешала рассмотреть картинку на экране. Слава хотел что-то сказать, но она обернулась, и Слава заткнулся. Вступительная лекция для него сразу кончилась, и все остальные в тот день тоже. На перерыве найти он ее не смог, поэтому подкараулил на переходе в автобус и зашел сразу за ней. Села она почему-то рядом с Алексом. Алекс был толстым козлом, которого Слава терпеть не мог. Он сел сразу за ней и прислушался. Козел говорил с ней по-английски. Слава подавил раздражение.

Поездка была долгой. За окном мелькали одинаковые города, потом одинаковые поля. Славин сосед, кипастый парень с факультета окружающей среды, быстро захрапел. Красавица болтала с козлом. От нечего делать Слава достал ноутбук и начал читать правки шефа к новой статье. Храп соседа бесил и мешал сосредоточиться.

Когда они приехали в киббуц, уже давно стемнело. Научная программа возобновлялась только назавтра, а сегодня вечером полагались ужин и тусовка. Слава встал в очередь одним из первых, получил ключ от номера, быстро нашел его, кинул сумку на ближайшую кровать и вернулся к толпе. При регистрации можно было выбирать соседа по комнате, но Славе было пофиг. Ему было интересно, куда запишется красавица. Заметил, проследил, подсмотрел. Другой корпус, второй этаж, комната 23. За ужином она сидела, окруженная девчонками. Слава намеренно случайно столкнулся с ней у лотка с горячими макаронами, поспешно извинился. Она улыбнулась. Успех.

После давали пиво и вино. Слава взял бутылку тошнотворного израильского лагера и вышел на улицу. Лекции начинались с раннего утра, да и поездка была утомительной, и многие не задерживались и шли спать. Она тоже вышла, где-то в полдесятого, с двумя подружками пошла к своему корпусу. Поговорили немного у лестницы наверх, но поднялась она одна. И в комнату зашла одна. Слава сел на скамейку в отдалении и чтобы не привлекать внимание достал телефон, притворился, что увлеченно читает. В номер никто не заходил. Постепенно гасли окна в корпусе. Наконец, ее окно тоже погасло. Слава уже собрался уходить, как в одиннадцать двадцать восемь по лестнице поднялся и зашел в ее комнату мужчина. Слава не видел лица, но заметил, что тот был крупный, даже толстый. Не может быть.

Слава вернулся в свой номер. В комнате его встретил знакомый храп. Присмотревшись к форме на второй кровати, Слава опознал соседа по автобусу.

— Ебанный в рот, — негромко, но членораздельно сказал Слава, лег на свою кровать в одежде и быстро уснул, и спал без сновидений.

3. Жан-Шарль

Профессор Жан-Шарль проснулся в отличном расположении духа. Не было и шести. Жан-Шарль быстро ополоснулся под раковиной и сделал разминку. Надел спортивные шорты и выбежал на пробежку.

Было довольно холодно, но свежо и приятно. Киббуц — этот странный израильский закрытый поселок с социалистическим прошлым и запущенным настоящим — был почти пуст, только в одном месте был припаркован пикап садовника и были слышны щелчки секатора.

— Мы в пустыне, — вспомнил Жан-Шарль, — тут само ничего не растет.

Он успел закончить пробежку, вымыться, переодеться и прийти в столовую до того, как там стала расти очередь. Еда была отвратной — набухшие маслом куриные сосиски, страшные яйца всмятку и лежалый магазинный хлеб. Жан-Шарль сел за стол с парой знакомых израильских профессоров и быстро нырнул в разговор о работе. Как всегда, рассказы о прочитанных и написанных статьях перемежались слухами о скандальном поведении коллег.

— Хуже пенсионеров, — с раздражением подумал Жан-Шарль, вполуха слушая очередную сплетню о том, как уважаемый профессор, лауреат нескольких международных премий, напился в хлам на конференции на Гавайях. Жан-Шарль знал, что пьют все, а болтают потом только о настоящих ученых.

В столовую вошли три его студентки, единственные из растущей группы в Тулузе, кто захотел приехать в Израиль — закадычные подруги, Жастин, Мари и Изабелла.

Жан-Шарль в мыслях называл их — да и других своих студентов *en masse* — "курятником". Работали они, впрочем, сносно, особенно Мари, у которой уже маячила на горизонте защита, а за ней и академическая карьера. Девчонки сели за столик в середине зала и тут же принялись квохтать.

После завтрака начинались лекции, и Жан-Шарль на правах восходящей звезды должен был представлять свои исследования одним из первых. Объявленной темой конференции была кристаллизация — формирование строгой, упорядоченной структуры из хаоса среды. Один из важнейших мировых процессов, постоянно происходящих и в лабораторной колбе, и в живой — и в неживой — природе, но так до конца не познанный и не понятый, как, впрочем, и большинство подобных сложных, фундаментальных явлений. Как всегда волнуясь, он прослушал вступительное слово Леона и нудную болтовню первого лектора. Тот долго объяснял процесс формирования кристалла — о насыщенной среде, в которой плавают большое количество отдельных молекул, как они потом начинают объединяться в небольшие нестабильные кластеры. Кластеры эти сразу распадаются обратно. Этот танец продолжается какое-то время, пока не появляются более крупные, а потом стабильные кластеры, и они-то превращаются в центры кристаллизации. В определенный момент все параметры сходятся, и из этих центров начинает расти один большой кристалл. Скучно рассказанный интересный процесс, к сожалению, сам становится скучным, и когда лектор дошел до собственного ресёрча, Жан-Шарль отвлекся. Наконец, тот закончил нудить, и можно было выйти за кафедру и начать подключать свой макбук к проектору. Безуспешно. Пара человек из первого ряда прибежали на помощь, и в течении пяти минут зал мог с легким злорадством наблюдать, как несколько ярчайших ученых на планете, с суммарным количеством статей перевалившим за полтысячи, борются с двумя кабелями. Разум и опыт победили технику, на экране высветилась вводная страница презентации.

Жан-Шарль намеренно приготовил лекцию слегка провокационной, направленной на то, чтобы расшевелить сонных химиков, и стимулировать обсуждение. Одной из тем его исследований была регенерация костей, причем не на уровне целого организма, а на уровне микросреды. Грубо говоря, его — и множество других людей — интересовало, какие биохимические реакции должны произойти в месте перелома, чтобы кость, почти на 70% состоящая из кристаллизованной, "неживой" керамики, начала срастаться. Но чтобы это изучать, нужны были живые организмы, то есть лабораторные мыши, которым нужно было в контролируемых условиях ломать лапы. А значит, на Винчестере Жан-Шарль копилась зловещая коллекция довольно страшных фотографий и рентгеновских снимков. Уловка сработала, зал проснулся и загудел. Профессора и студенты постарше смотрели спокойно, но молодежь возмущалась. Жан-Шарль обрадовался; лекцию запомнят, будут обсуждать, а значит, есть шанс отхватить пару стоящих пост-доков.

Это было одной из главных причин его приезда на эту конференцию. Израильские посты ценились. Уже подходя к концу лекции, сменив страшилки на схемы биохимических механизмов, Жан-Шарль не мог с удовольствием не отметить, что Жастин, Мари и Изабелла ловят каждое его слово, а с ними еще полдюжины молодых людей.

4. Слава

Завтрак он проспал, и это бесило. Продрал глаза, когда телефон показывал уже далеко за десять, соседа не было. Слава умылся и открыл ноутбук, решительно забив на утренние лекции. Почта, фэйсбук, линкдин, потом Лепра. Ничего интересного, но время до обеда потянуть можно. На Лепре опять был срач о религии. Обычно Слава был яростным участником подобного рода развлечений, всегда цитировал Докинза и Рассела, бывало даже Поппера. Сейчас пускаться в разглагольствования сил не было. С накапливающимся раздражением Слава читал ветки дебильных комментов, отстаивающих религиозный тип мышления. Когда речь в очередной раз зашла о истоках морали и десяти заповедях, Слава матернулся, захлопнул ноутбук и пошел поссать. Выйдя из туалета, он обратил внимание на кровать соседа: там, аккуратно разложенный, напоминающий то ли дешевое полотенце, то ли арафатку, лежал талес. Сосед Славы оказался не просто кипастым, он был глубоко кипанутым.

Слава ухмыльнулся, оживил ноутбук и открыл порносайт. Быстрый выбор категории, выбор видео, клик в середину ролика — пару минут спустя он вытер талесом последствия и аккуратно разложил его у соседа на кровати, сушиться.

Когда Слава вышел из душа, настроение у него было отличное.

На обеде он подсел к группке знакомых из Вайцмана. Обсуждали пропущенные им лекции, особенно досталось Жирану, крутому мужику из Тулузы, работавшему на редком и чрезвычайно интересном пересечении кристаллографии и зоологии. Слава пожалел, что пропустил — Жиран был одним из самых интересных ученых на конференции. Обед был отличным, напомнил Славе армию. Шницели, по крайней мере, казались вырезанными из той же самой курицы. Слава исподтишка поглядывал на Толстого Мудака Алекса и красавицу, но они никаким образом не контактировали. Шифруются — подумал Слава с азартом. Приятно, что ТМА был женат, это создавало ему дополнительные

трудности. С другой стороны, красавица потихоньку начала терять свой шарм. Все-таки, дурновкусие отвращает. Слава обдумывал общую стратегию поведения, изредка вставляя реплики в оживленный разговор. Обед закончился, и все вернулись в лекционную комнату. Красавица и ее подруги сели рядом с Жираром, и это отmeldo сомнения. В перерыве после двух скучнейших часовых пыток Слава подошел к Жирару, представился и поблагодарил за отличную лекцию. Красавицу звали Изабелла. Итальянка, не француженка, с удовлетворением подумал Слава. Завязался разговор, в ходе которого он пытался увести тему в сторону своего собственного ресёрча, но перерыв скоро закончился.

Прошли еще два бессмысленных доклада. День, в целом, прошел насмарку. На ужине Слава столкнулся с ТМА. Тот рассеянно кивнул. Слава передал ему взглядом все лучи поноса, на которые был способен, и положил себе еще один шницель.

Спать Слава пошел рано, решив не пойти на постер-сессию. На завтра нужно было готовить собственный доклад.

5. Жан-Шарль

Постер-сессия началась сразу после ужина. Жан-Шарль, порядком устав за насыщенный день, думал не пойти, но рассудил, что нужно. Во-первых, курятник в полном составе представлял постеры, и не явиться в первый день было попросту невежливо. Во-вторых, в постер-сессии был смысл. Многие из представлявших аспирантов через пару лет закончат и будут искать позицию пост-дока, а постер — первичный способ отбора. Эффект, произведенный лекцией, стоило закрепить.

Вооружившись блокнотиком, улыбкой и пивом, Жан-Шарль зашел в большую залу, напроць заполненную народом. Зала гудела как растревоженный улей. Посередине, походя на театральные ширмы, стояли ряды постеров, из-за чего комната напоминала слегка безумный лабиринт или воскресный фермерский рынок.

Вспомнив о правиле левой руки, Жан-Шарль зашел в лабиринт с соответствующей стороны и стал внимательно вчитываться в первый постер. Стоявшая рядом студентка услужливо ловила на его лице любой намек на вопрос. Постер был плохой; переагруженный текстом, неудобно спланированный и с неясными выводами.

— Can you tell me about it? — вежливо сказал Жан-Шарль и приготовился к долгим пяти минутам сбивчивых объяснений.

Постеры сменяли друг друга, цветастые и аляповатые, как и сами разодевшиеся студенты, которые их представляли. Симпатичных почти не было. Немногие интересные студенты попадали в блокнотик. Жан-Шарль допивал вторую бутылку пива и начинал чувствовать эффект первой. Где-то половина постеров оставалась неосмотренной, и он решил прерваться до завтрашней сессии. Вежливо попрощавшись с крупным парнем постарше среднего, чей постер и объяснение были, для разнообразия, достаточно занятыми, Жан-Шарль кинул взгляд на курятник, до постеров которых он так и не дошел. Изабелла перехватила его взгляд. Жан-Шарль кивнул и изобразил мультяшную усталость: выпучил глаза, тяжело задышал и высунул язык. Изабелла серьезно кивнула в ответ и

повернулась к подружкам. Жан-Шарль подошел к курятнику, поздравил с красивыми постерами, пожелал спокойной ночи и пошел спать.

6. Жан-Шарль

Проснулся он почему-то разбитым, посмотрел на часы, охнул и быстро оделся для пробежки. Жена настаивала, что ему обязательно нужно делать это ежедневно, и Жан-Шарль соглашался, но втайне все его тело бунтовало против такого обращения. Сократив пробежку до двадцати минут, он позволил себе немного расслабиться под горячим душем, и пришел на завтрак вовремя. Там его поймали коллеги, Ави и Олександр, и они весь завтрак напролет обсуждали вероятности получения различных грантов на задуманный общий проект.

Доклады сегодня были смешанными: половину давали профессора, а половину — студенты, из отличившихся. Жан-Шарль с удовольствием прослушал студента Леона Штайнера с труднопроизносимым для француза именем Вячеслав, с которым он познакомился вчера. Парень был собран, серьезен, говорил по делу, а его ресёрч был не только интересен, но и достаточно изобретательно продуман. Жан-Шарль не помнил за Леоном подобного воображения, и решил присмотреться к Вячеславу поближе. Вторая студенческая лекция была менее интересной, и Жан-Шарль почувствовал, как подступает медленный, вязкий фронт скуки, как отключается анализ увиденного и рассеивается внимание, и глаза сразу начали слипаться. Докладчица говорила самозабвенно, захлебываясь от восторга собой и своим ресёрчем, от того, что она — ученый, и зал взрослых, умных, уважаемых дядь слушают ее, оценивают то, что она сделала, и как. Жан-Шарль украдкой зевнул в ладонь; картина была очень знакомой. Подобные студенты составляли половину курятника. Работали хорошо, но никогда не ярко, не ново. Нет, определенно нужно серьезно поговорить с Вячеславом. Но — позже, в предпоследний день. Тактика Жан-Шарля заключалась в том, что запоминаются последние впечатления, и производить их нужно как можно позже.

Наконец, доклады закончились, и все разошлись по комнатам. Профессуре предоставлялись одноместные номера в отдельном корпусе. Жан-Шарль спокойно почитал почту, написал пару мэйлов и собрал небольшой рюкзак. Сразу после обеда по расписанию была запланирована экскурсия на археологические раскопки. Вячеслав оказался в другом автобусе, и Жан-Шарль подсел к крупному парню со вчерашним хорошим постером.

— Жан-Шарль.

— Алекс. Я студент NN.

— Да, я помню, конечно. Отличный постер, — Жан-Шарль всегда находил, что немного лести делает людей сговорчивее.

— Жаль, вы не в жюри.

— Думаешь, ничего не выиграет?

— Тема немного непрофильная.

— Может быть. Ты когда заканчиваешь?

Не нужно было пояснять, что именно Алекс должен закончить. В жизни докторанта есть всего один дедлайн.

— Защита через семь месяцев.

— Статьи?

— Будет четыре. И еще две совместных.

— Очень неплохо.

— В Вайцмане шутят, что количество статей и количество детей, сделанных за время докторской, в сумме должно равняться хотя бы пяти.

— А у тебя?

— Пять. Не считая совместных статей.

— И внебрачных детей, я полагаю.

Алекс усмехнулся, но кинул на Жан-Шарля странный взгляд.

— Знаешь, куда после доктората пойдешь?

— Пока нет. Есть соображения, но ничего конкретного.

— Подумай о Тулузе, — закинул удочку Жан-Шарль.

Алекс поднял бровь.

— У вас же другая тема совсем.

— Я всегда нахожу, что смена темы способствует фантазии. Кроме того, всегда можно найти что-нибудь посередине, если придумать хороший проект.

Алекс "клюнул" и надолго задумался.

— В общем, напиши мне мэйл, мы вместе можем подумать. Если твои планы станут более конкретными, конечно. — Жан-Шарль улыбнулся своей самой открытой улыбкой. А потом достал ноутбук, демонстрируя, что сказал все, что хотел. Слишком много прикормки тоже плохо.

7. Слава

На стоянке неолита сразу было всем налито... — Славе хотелось петь. Сегодняшний день складывался отлично. Проснулся рано, позавтракал вкусно, отлично выступил с лекцией. Прямо очень хорошо. Все слушали. Все. Слава заметил интерес трех-четырех очень крутых чуваков. Вопросы был по делу. Леон был очень доволен. А главное, главное — Изабелла слушала, развесив ушки. Вот как нужно было. С самого начала.

После обеда Слава думал на радостях прогулять экскурсию, но что-то подсказало ему ехать. И он угадал автобус. И сел рядом с красавицей, которую про себя уже начал звать Беллой. И они всю поездку проболтали про ресёрч, и жизнь в Тулузе и в Израиле, и про Италию, где Слава не был, но, конечно, очень хотел, и про шефов. Пару смешных историй про Леона — и она смеялась и сверкала глазищами.

Слава с трудом удерживался, чтобы спускаться из автобуса, не пританцовывая.

— Археологи-алкоголики, попробовал он снова зарифмовать действительность, но рифма вышла недоспелой. Фигня-война, скоро будет Белла покорена. Скоро будет на крючке, хе-хе.

Экскурсия по Нахаль Иссарон, где нашли неолитическую стоянку, была скучной, Леон нудил о жизни и быте пещерных людей, и о том, как же он с группой археологов

анализировали их остатки, и Слава с чистой совестью пропускал эти разглагольствования мимо ушей. Во-первых, курс по химической археологии он уже сдал, а во-вторых, кому же это сейчас интересно? Сквозь темные очки он то и дело подглядывал за своей красавицей. Очень уж она ему нравилась такой, в шортиках, в белой маечке, в чуть дурацкой соломенной шляпе, из-за которой пробиваются темные кудряшки. Даже в том, как она держит бутылку воды, Слава находил нечто эротическое. Как подносит ее ко рту, как чуть сжимает ручкой, чтобы тугая струя освежающе пролилась из горлышка... — А здесь мы несколько лет назад нашли целую семью, — сказал Штайнер как-то особенно громко, показывая на небольшое углубление в скале недалеко от Славы. — Их кости, конечно, полностью кальцифицировались, и потому хорошо сохранились даже нежные детские черепа... Когда мы вернемся, я покажу вам слайды!

8. Алекс

Алекс устало смотрел на мелькающий перед глазами пустынный пейзаж. Ранним утром четвертого дня, после долгого вчерашнего вечера, второй бессмысленной постер-сессии, общения с кучей народу, которое в конечном итоге ни к чему не вело, после ненужной телефонной ссоры с женой и трех выпитых пив, он вместе со всеми погрузился в автобусы и отправился в Эйлат. Никакие обещанные Леоном "секретные экскурсии" по дороге не могли скрасить алексого пасмурного настроения. Дорога должна была занять большую часть дня, с перерывами на сэндвичи и кофе и штайнеровские сюрпризы, а там еще и заселение в отель, и прочая белиберда. И еще один день прошел. Потом еще целый день, и в пятницу вечером долгая поездка домой, в быт.

Алекс лениво раздумывал над предложением Жерара. Ресёрч у него был хороший, денег много. Тулуза недалеко от Израиля — через море, буквально, и родителей навещать будет удобно. Тема крайне интересная, хоть и живодерская немного, и в целом, внимание от такого человека крайне льстило. Надо бы поговорить о нем с Изабеллой, подумал Алекс, но только осторожно прощупать тему, какой из него начальник. К алексову постеру походило несколько других профессоров за время постер-сессии, но Жирар был самым прямолинейным и самым привлекательным из них. Вопрос в том, насколько он серьезно настроен. Гранты он сейчас, конечно, лопатами гребет... Все было хорошо, но что-то неуловимое Алексу мешало. Почему-то ему не хотелось хвататься за эту прекрасную возможность. Прекрасную, но, поди ж ты, не хотелось.

Автобус неожиданно затормозил и съехал на обочину. Заволновавшись, что поломка продлит и так невыносимо долгую поездку, Алекс привстал и посмотрел вперед. Другой — флагманский — автобус также стоял. Его двери открылись, и из передней весело вывалился веселый Леон, а за ним закапали и остальные. Пришлось пересилить себя и выходить. Он находились на чуть расширенной обочине шоссе посреди пустыни. In the middle of nowhere, буквально. Куда-то за холм вела еле заметная тропка. — Вперед!, — махнул рукой Штайнер и все неуверенной вереницей потянулись за ним. И примерно через триста метров попали в рай.

— Здесь достаточно уникальное место, — объяснял Штайнер. — Геологическая аномалия. Когда-то весь этот каньон был дном моря. Море отступило естественным путем, — старик махал руками наподобие семафора, пытаясь объяснить географию событий. — Окаменелости, ископаемые, которые были похоронены на дне, они остались. И почему-то в этом месте они оказались на виду, везде их закрыло и давно замело новообразовавшимися слоями песчаника.

Вся земля на радиусе приблизительно пятидесяти метров была засеяна маленькими камешками. Только присев, становилось видно, что это не камни, точнее, камни но не только. В каждом, буквально каждом из них был слепок чего-то, что жило много миллионов лет назад. Окаменевшие кораллы и губки, силуэты водорослей и раковин — все это сокровище было просто под ногами, на неприметном клочке пустыни. — Брать с собой ничего нельзя ни в коем случае, абсолютно запрещено — предупредил Леон, — но смотреть и фотографировать можно. У нас остановка где-то с полчаса, в без двадцати одиннадцать встречаемся у автобусов.

Алекса захватил детский азарт палеонтолога-искателя сокровищ. Хотелось перевернуть каждый камень, сфотографировать каждую маленькую загогулину, намертво въевшуюся в известняк.

Но даже самые ценные сокровища могут надоесть за полчаса. Вволю нафотографировав и запомнив GPS координаты удивительного места — надо будет свозить семью, когда ребенок чуть подрастет — Алекс начал глазеть по сторонам. Почти все так или иначе ковырялись в пыли. Изабелла что-то бурно обсуждала со своим шефом. Леон был окружен стайкой профессоров и увлеченно "семафорил". Кто-то делал бесконечные селфи на фоне бесконечной пустыни.

Мимо Алекса, приветственно кивнув, прошел Жерар, и Алекс понял, что Изабелла освободилась. Она стояла в стороне от общей массы. Подойдя, Алекс разглядел, что девушка прикусила губу. Что-то с ресёрчем, наверное. Он помахал рукой, Изабелла обратила на него внимание и улыбнулась.

9. Жан-Шарль

После скучнейшей прогулки они наконец-то приехали в отель.

Три с половиной звезды, близко к пляжу, вид хороший, но все равно производит слегка убогое впечатление. Как и Эйлат в целом — провинциальный курортный город. Скука и жирные туристы. В кибуце было куда лучше.

Перед ужином все собрались в лобби и стали разбирать ключи от номеров. Жан-Шарль попросил курятник не расходиться. Ему достался номер 708, — с видом на залив, как сказала симпатичная портье. Параллельно студенты решали, кто останется в отеле, а кто поедет ночевать в Межинститутский Центр Океанологических Исследований прямо на берег красного моря. Таких набиралось порядочно — в Центре можно было взять ласты и

маску, а располагался он на огороженном краю рифа, куда в целях сохранения и изучения туристам было заплывать строго запрещено. Мест в общежитии Центра было немного, и спрос был велик. К удивлению Жерара, курятник в полном составе высказал недвусмысленное желание ехать.

— Ну там же рифы! И это прямо на пляже! Пять метров от воды!, — галдели Жастин и Мари. Изабелла молча поддерживала.

Жерар пожал плечами, поднялся в свой номер и принял душ перед ужином.

Кормили прилично.

10. Слава

После скучнейшей поездки и противного отельского ужина их наконец-то отвезли в Центр. Слава был там уже третий раз и, если честно, две ночи там были для Славы основной причиной согласия на эту херню.

Центр был козырным местом. Единственным таким в Эйлате. Со своим огороженным пляжем, со своим рифом. Слава был тут летом, и весь его ресёрч чуть не пошел к черту из-за стремления нырять каждую свободную минуту. Общага была старая и вообще не фонтан, но зато стояла на самом берегу моря, буквально метрах в пяти от воды. До моря добивал общажный вай-фай. Одним из главных наслаждений в Славиной жизни в то лето стало лежать ногами в теплом море и читать Лепру.

Работали в Центре люди веселые и романтичные, променявшие центр страны на пляжную жизнь и изучение и охрану обитателей рифа. Слава вдруг понял, что испытывает к ним искреннее уважение. Вечером никого из них, разумеется, не было, студентов впустил за забор сонный охранник.

В общаге было пять комнат, и когда посчитались, оказалось, что две будут женскими, а три мужскими. Все расселились. Славе достался в соседи ТМА. Ну хотя бы кипанутый храпун остался в отеле.

На пляже стояло несколько столов для пикника, а так же были свалены в небольшой круг каменюки для костра. Слава пошел в подсобку, достал ключ из-под камня и достал пачку углей для мангала. Мяса не было, и есть не хотелось, но угли держат тепло, медленно тлеют. Костер из них получается не яркий, но душевный. И романтичный. Слава сел на сложенную рубашку, вывалил углы в импровизированный очаг, достал старую газету и начал поджигать. К нему потянулись другие. ТМА вышел из комнаты и плюхнулся неподалеку, бессмысленно разглядывая залив.

— Эй, — кивнул ему Слава. — Сгоняешь за пивом?

— А куда?

Слава объяснил, где круглосуточный киоск, и ТМА пошел, мобилизовав по дороге еще пару пацанов. Переть туда минут пятнадцать, а значит у Славы было полчаса с лишним на Беллу. Она с другими девчонками отсиживались в комнате.

Слава постучал, открыла ее подружка. Слава позвал всех к начинающемуся костру, описал красоту ночного Красного моря, которое, конечно, сейчас не красное, а черное, да и вообще никогда не красное, а, скорее, зеленое... Из-за двери послышался смех.

Славины маневры оказались успешными, стало клевать, и девчонки косяком потянулись

из комнаты. Три, не четыре. Беллы среди них не было. Пришлось идти с этими и притворяться, что так и надо.

Пришли пацаны с горой — рекой? — пива. Слава выпил две поллитровки, одну за другой. Беллы не было. Поправил рубашку под жопой и от отчаяния стал вполуха прислушиваться к разговору. Трындели обо всем, от сериалов до израильской политики, о том, как это, когда бомбят, и о том, где в Тель-Авиве лучший хумус, у Абу-Хасана или у Абу-Мусы.

Стало противно и скучно. Слава взял третью бутылку. Хотелось водки.

Кто-то из иностранных студентов спросил про израильскую ситуацию с ортодоксальными евреями. Слава наострился. Участвовать было лень, но тема была любимая. Сразу посыпались главные анекдоты про быт иерусалимских религиозных общин. Кто-то упомянул про службу в армии. В какой-то момент Слава не выдержал.

— Самое интересное же что, — перебил он говорившего. — Они же живут абсолютно в своем собственном мире. Отгородились ото всех, и физически, и не только. Они вообще отдельно. И в полной иллюзии собственной важности. Сидят в своих дурацких черных пиджаках, что-то шепчут, читают книги, которые никто больше понять не может и не хочет, а при этом уверены, что на них все держится, что они какую-то пользу приносят. И все это на налоги.

— Знаете, — подал голос ТМА, до этого сидевший тихо. — Я думаю, ровно в этот момент где-то сидит и болтает группа молодых ортодоксов. Обсуждают ученых. И вот один из них говорит: "Понимаете, эти ученые, живут в своем выдуманном мире, сидят в своих белых халатах, что-то шепчут, читают непонятные книги, а главное, при этом всем уверены, что приносят пользу. И все это, — закончил ТМА под дружное хихиканье, — на налоги.

Слава вежливо посмеялся, представляя, как Алекса расплющивает огромный том Торы. Где-то в час ночи, когда большинство уже ушло спать, вышла Белла. В свете догорающих углей она казалась грустной. Увидев ТМА, она чуть заметно кивнула ему, и они отошли в сторону, к самой воде, сели рядом на гальку и стали тихо о чем-то разговаривать.

Переполюнявшая Славу скука превратилась в кислоту.

— Шалава, сука, сука, думал он. Все схемы, все тщательно продуманные подходы и уловки шли в жопу. В толстую жопу толстого мудака. Дура, какая же она дура, что он ей, все еще, она же смеялась над моими шутками, сука, мы же вместе в автобусе сидели, шлюха, блядь, блядь, он же женат, дура, дура, на что она, он же заканчивает раньше меня, совсем скоро, неужели он, сука, дура, дура...

Мысли перемешались с пивом в токсичный ком. Слава с трудом поднялся и достал из заднего кармана телефон. Они сидели уже молча и не касаясь друг друга. Слава нетвердо пошел по берегу, а когда решил, что уже достаточно далеко, сел на четвереньки прямо у воды и блевал, блевал в Красное море.

11. Жан-Шарль

Несмотря на разочарования, Жан-Шарль проснулся в хорошем настроении. Сегодня был последний полный день конференции — отъезд по плану был завтра с утра. Рыбный день, как он его называл. Именно сегодня все закрепляется, все запоминается лучше

всего, именно сегодня нужно ловить студентов. Лекции и экскурсии в Центре Океанологии, результаты конкурса постеров и общение, общение с молодежью. Несколько удочек Жан-Шарль уже закинул. Пришло время подсекать.

Самой крупной рыбой, конечно, был Вячеслав. Нужно будет потренироваться произносить его имя правильно, — отметил для себя Жан-Шарль. Леон его нахваливает как может, парень без якоря в виде семьи с детьми, но зато с нужным видением и воображением — отличная машина для производства грантов и статей. Такие работают с утра до ночи, и еще добавки просят. С курятником он, вроде, познакомился, хихикал там в автобусе — все складывается удачно.

Когда Жан-Шарль брал себе в группу очередную смазливую девчужку, коллеги над ним подтрунивали. Но он точно знал — за красавицами идут и умники, а в цветнике и наука цветет.

На завтраке в отеле Вячеслава не было. Ничего, отсыпается, наверняка вечером студенты в общежитии закатали пирушку. Не было русского парня и на утренних лекциях в Центре. В перерыве Жан-Шарль заманивал в сети рыбку поменьше — парня из группы Александра и еще одного, чей постер показался небезнадежным — заманивая историей про тулузский центр микроскопии. Оба слушали развесив уши и были в восторге от предложений. Ближе к концу перерыва к Жан-Шарлю подошел студент NN по имени Алекс, с которым он уже разговаривал. Поздоровались, обменялись общими фразами о красоте Красного моря.

— Я, на самом деле, по поводу нашей прошлой беседы, — перешел тот к делу.

Жан-Шарль улыбнулся в предвкушении.

— Я, наверное, буду вынужден отказаться. Мне очень лестно, но я с семьей, и переезд во Францию у меня, скорее всего, не получится. Кроме того, мой друг открыл свой стартап, и ему как раз нужен химик моего профиля.

Жан-Шарль вскипел. Дурак, вот дурак, подумал он, продался в индустрию, за деньги поганые, да как он вообще посмел... Вида не подал, конечно. "Конечно-конечно, я все понимаю, вот если передумаешь..." Хрен я тебя теперь возьму, если передумаешь, мстительно подумал он, допивая жуткий кофе. Началась очередная лекция. Жан-Шарль с блокнотом начал отслеживать новых жертв. Вячеслава не было.

Прошел обед, потом еще два часа лекций. Жан-Шарль поймал четырех средних и пару совсем никаких. Вячеслав так и не пришел. Переполняла неясная досада: конечно, можно будет и через Леона, письмом, но эффект будет совсем не иной, чем вот так, на конференции, в последний день, шикарно и щедро... Жан-Шарль любил студентов завоевывать в коротких и блестящих баталиях, а не в крючкотворской и торгашеской позиционной войне по переписке. Так, в конце концов, выходит выгоднее.

К его удивлению, приз за лучший постер получила Изабелла. Он поздравил ее вместе со всем курятником, сказал мини-речь о том, какое это важное достижение для группы. Изабелла выглядела довольной, но в глубине ее темных глаз Жан-Шарль разобрал какую-то новую для себя искру.

Последней частью было подведение итогов. Леон гордо вышел к доске и долго благодарил собравшихся, отмечал высокий уровень конференции и отличную организацию.

— Я знаю, — все уже хотят ужинать, — сказал он под смех аудитории, — но я бы хотел посвятить минут пятнадцать тому, чтобы обсудить выводы, которые можно сделать из нашего... приключения.

Он так и сказал, adventure. Жан-Шарль поморщился. Леон — милый, добрый старикан с интересным и глубоким ресёрчем, но его романтичность иногда удивляла. Тоже мне, adventure, — подумал Жан-Шарль, поднимая руку, чтобы внести свою лепту.

— Во-первых, — сказал он, дождавшись своей очереди, — я хочу поблагодарить организаторов и еще раз поздравить профессора Штайнера с юбилеем. Это, конечно, повод, по которому мы все тут собрались, но не причина. Причина, разумеется, в том, что мы с вами благословлены, — где-то внутри Жан-Шарля приятно запыкал радар внимания аудитории. — Да, благословлены наукой и темой, которые изучаем. Кристаллизация, переход из хаоса в порядок, победа энергии над энтропией — одна из важнейших и наиболее таинственных областей химии. Мы, — Жан-Шарль наярив связки и выдал "Мы" с большой буквы, определяющее "Мы", представляющее все человечество в целом и научное сообщество в частности, — все еще знаем об этом процессе немного. Но благодаря последней неделе я чувствую, что мы эти знания расширили, или хотя бы систематизировали. Благодаря лекциям, постерам, благодаря общению с коллегами... Благодаря тому, что приоткрыли друг для друга наши перспективы."

Ему хлопали, потом стали говорить другие. Кто-то говорил более конкретно о механизмах кристаллизации в лаборатории и "в жизни", кто-то описывал предстоящие совместные работы, которые обсудили за время конференции. Обычное.

Жан-Шарль отошел от всего этого и задумался, была ли эта поездка оправдана лично для него. Наверное, все-таки, нет. Может быть, лучше бы было остаться дома.

12. Слава

Весь последний день Слава прогулял. Сначала взял гидрокостюм и все утро нырял, разглядывал риф в его бесконечном многообразии. Когда Слава был под водой, на него находили необычайные спокойствие и рассудительность. Ну и что. Ну и что. В море много рыбы. Вот они все, плавают, вертят плавниками, сверкают красками, манят. Сучки. Потом Слава лежал на пляже. Смартфон, Лепра, шум прибоя, галька под ногами. Голова уже почти не болит.

Часов в двенадцать Слава выбрался из Центра и пошел в город. Съел по дороге шварму, запил колой. Идти было легко и весело. Эйлат вне сезона казался никому не нужной старой цирковой лошадей. Слава сам удивился такому сравнению, но сходство было очевидным.

Он еще раз сходил на пляж, на этот раз общественный, полежал на песке. Мысли скатились в сторону работы, и он с неожиданным для себя наслаждением стал продумывать новые эксперименты, которые должны были продвинуть его ресёрч чуть дальше. Записав в телефон несколько ключевых слов для поиска в научной литературе, Слава переключился на более глобальные вопросы. С удивлением обнаружил, что понимает, про что должна быть его следующая статья. В первый раз за долгое время ему

перестало хотеться, чтобы четыре года доктората поскорее закончились, и можно было перейти ко взрослой жизни.

В Центр он вернулся к восьми, нагруженный пивом, чипсами и другой ерундой, которой было принято закусывать на пикнике, а также двумя пакетами углей. В Центре Слава тоже развил бурную деятельность — собрал по всему пляжу пластиковые стулья, расширил очаг и начал разжигать.

Люди возвращались с ужина в отеле пешком, группками, все веселые и уже уставшие. Тлеющие угли и холодное пиво, впрочем, вызвали общий восторг, и Слава некоторое время был королем этого пляжного бала. Белла тоже была, и о чем-то смеялась с подружками. Слава нашел ТМА, поймал его взгляд и кивнул в сторону, мол, давай отойдем. Решение было импульсивным, Слава не до конца понимал, чего хочет сказать, поэтому, когда они отошли на достаточное расстояние, вlepил в лоб:

— Ну, как она?

— Кто?

— Белла.

— Какая Белла?

— Ну, Изабелла. Ты же с ней спишь.

— Ты что, охуел?

Такой реакции Слава не ожидал. Вранье, страх, стыд, да что угодно, но не искреннее непонимание.

— Не пизди, — надавил он. — Я вас видел, в кибуце еще, в первую ночь.

— Что ты видел?

— Как ты в ее комнату заходил.

— Я?! Ты меня видел?

— Ну... — Слава задумался. Лица тогда он действительно не рассмотрел, Только фигуру, фигуру толстого мудака...

— Это был не ты?

— Не я.

— А кто?

— Не знаю, — сказал Алекс таким тоном, будто знал и не хотел говорить.

Слава даже не успел глубоко задуматься, как для него все стало очевидно. Прежде беспорядочные отрывки мыслей и наблюдений вдруг сложились в цельную картину.

— Да ладно?!

Алекс оценивающе глядел на него, но молчал.

— И что делать?

Выражение Алекса сменилось на растерянное.

— Я не знаю, — честно сказал он.

— Мы должны рассказать.

— Я не думаю. Точнее, я об этом постоянно думаю...

— Но это же... — Слава запнулся

— Вот именно. Ничего криминального тут нет, — сейчас тон Алекса звучал облегченно, как будто он давно с кем-то хотел обсудить мучившую его научную проблему. — Оба они

совершеннолетние люди, принимающие собственные решения. Мне не кажется, что я — мы имеем право вмешиваться.

— Но это...

— Представь, что это два незнакомых тебе человека. Что ты об этом в фейсбуке вычитал. Ты бы так же возмутился?

— Нет. Может, даже наоборот...

Алекс кивнул.

— А последствия того, что мы сейчас кому-то что-то расскажем, могут быть неприятными, особенно для нее. Научная карьера, по крайней мере, тут для нее и закончится.

— Не, ну почему? Много же таких случаев...

— Подумай. Вспомни, какая конкуренция на место пост-дока у лучших профов? У действительно крутых? Сколько нужно въебывать, чтобы туда попасть? А если ты замешан в чем-то подобном — это же все узнают. Мир наш маленький. Даже если ты был пострадавшей стороной, формально, — с тобой не будут связываться.

Слава вздохнул.

— Хочется что-то сделать.

— Мне тоже. Но это ее дело и ее выбор.

— Погано.

— Мне тоже.

Каждый отхлебнул из своей бутылки. Слава понял, что нашел — не друга, а человека, с которым можно поговорить.

— Ты же заканчиваешь скоро?

— Семь месяцев.

— Что дальше будешь делать?

— Не знаю, — Алекс пожал плечами. — Больше не знаю. Может, в индустрию пойду. Тебе сколько осталось?

— Два года.

— Удачи, — сказал Алекс и пошел в сторону костра.

Слава постоял немного и пошел за ним. Чувствовал предательство, но иного, нового типа. Оно не сопровождалось ни ревностью, ни завистью, ни даже обидой. Это было разочарование.

Остальные слушали музыку и болтали о ерунде, делились впечатлениями. Студентам тоже хотелось подвести итоги этой поездки. Слава молчал и впитывал их разговоры. Как обычно, в какой-то момент переключились на сплетни о начальстве. Слава иногда поглядывал на Алекса, но тот был тих. Изабелла тоже ничего не рассказывала, только перешептывалась с подругами, имена которых Слава так и не запомнил. Он захотел поговорить с ней, он не знал, не понимал, как. И решил, что не стоит. И сейчас, и никогда. Стали говорить о разных конференциях. Кто-то из американских девчонок рассказала о поездке на Гавайи. Парень из Техниона хвастался о симпозиуме в Гонконге.

— Мне кажется, не все понимают суть таких конференций, — сказал Алекс. Все прислушались.

— Надо всегда помнить, что это — супермаркет, а мы — продукты. И многие сюда едут в основном чтобы подыскать себе новых студентов, которые принесут новые статьи, новые гранты, и так далее, конвейером. Когда ты товар, не стоит забывать об этом.

Слава вдруг вспомнил, как смотрел с родителями старый, нуднейший фильм Бондарчука. — Немного не так, — сказал он. — Мы не товары, мы — девицы на выданье. А это — наш бал.

Алекс кивнул и улыбнулся.

13. Леон

Леон Штайнер откинулся на сиденье и прикрыл глаза. Автобус медленно выезжал с парковки отеля. Леон очень устал, но был доволен. Очень много внимания, много поздравлений. Много его бывших учеников и нынешних коллег нашло время и приехало. Прошлые и нынешние студенты вместе с ним вспоминали прошлые достижения, и забавные истории из лет совместной работы. Очень приятно. Леон чувствовал себя патриархом огромной семьи. Здорово было взглянуть на научных детей и внуков.

Но Леон очень устал. Энтузиазм и радость пьют силы. Общение с людьми всегда утомляет, особенно когда их много, и с каждым нужно обменяться парой слов. Утомляет быстрая смена фокуса. Единственное, что можно делать без чувства сосущей усталости, это ресёрч.

Леон на секунду опять вспомнил эту семью в Нахаль Иссароне. Они все лежали вместе, впятером, большие и маленькие, обратившиеся в камни. Это была потрясающая находка — с ними в могиле лежали черепки двух почти целых кувшинов и плошки. Археологи восстановили форму кувшинов, а Леон со своей группой с помощью масс-спектрометрии и ИК-спектроскопии, почти также скрупулезно по обрывкам органических молекул на стенках черепков обнаружил и доказал, что один кувшин использовался для вина, другой — для масла, скорее всего оливкового, а плошка была подсвечником. Это открытие абсолютно банальных подробностей, эхо которых донеслось до него за почти десять тысяч лет, было неиссушаемой причиной гордости и счастья.

Леон обернулся и оглядел салон автобуса. Кто-то уткнул нос в компьютер, кто-то спал, молодежь сзади громко болтала и смеялась. На Леона — в первый раз за эту бесконечную неделю — никто не обратил внимания. И слава Богу. Слава Богу. Леон повернулся обратно и стал смотреть в окно. Пустыня, которую он так любил, и которая скрывала так много тайн, была бесконечно разнообразной. Хаос и порядок в одном. Вечно новая и вечно старая, как многое в этом мире.

Леон непроизвольно опустил руку в карман ветровки и нащупал кусок известняка — невзрачный камень с отпечатанным на нем миллионнолетним силуэтом ископаемой водоросли-родофиты. Леон знал, что брать их нельзя, но сейчас, как и обычно, не удержался.

